Ярослав Тамберг

СЛУХИ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ярослав Тамберг

Слухи

«Автор»
2026

Тамберг Я.

Слухи / Я. Тамберг — «Автор», 2026

Острый психологический триллер с уральским колоритом, исследующий тёмную сторону человеческой природы и опасную иллюзию контроля. Двадцатисемилетний Пётр Марков живет обыкновенной, серой жизнью в Екатеринбурге: верстает заказы в скромной типографии, сбегает от одиночества в книги и прячет глубокие обиды за интеллектуальным цинизмом и высокомерием. Но всё рушится и переворачивается с ног на голову, когда после одной из обычных прокуренных ночей на его смартфоне появится странное, анонимное приложение. Утилита «Слухи» предлагает жутковатую услугу: она дает доступ к расшифровкам и записям всех разговоров, где когда-либо упоминалось имя владельца. Поначалу Пётр решает, что это глупый розыгрыш. Однако, когда сгенерированные тексты начинают с пугающей точностью отражать реальность и самые интимные сплетни коллег и знакомых, герой понимает, какой опасный инструмент попал в его руки.

© Тамберг Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Ярослав Тамберг
Слухи

Глава 1

С чем у вас ассоциируется октябрь? Едва ли с чем-то светлым и уютным. Пронизывающий до костей ветер, затяжная мерзкая погода, сезон бесконечных простуд, грязь и серый кисель под ногами. А теперь прибавьте к этому непередаваемый антураж Екатеринбурга — сурового уральского мегаполиса, над которым всегда незримо висит дух заводского дыма и тяжелой промышленности.

Для Петра Алексеевича из всех осенних месяцев существовал только один — сентябрь. Он мгновенно рождал приятный ряд воспоминаний: торжественный День знаний, собственный день рождения восьмого числа, мягкое бабье лето и золотой бархатный сезон на курортах Турции или Египта. Октябрь же и ноябрь сливались для него в безликую, тоскливую массу, которую он именовал просто «осенью». Проживай он в какой-нибудь другой, более жаркой стране, десятый и одиннадцатый месяцы года, возможно, оставляли бы куда более светлое впечатление. Но далёкие тропические берега оставались для Петра лишь несбыточной фантазией, и ему неизбежно приходилось возвращаться в суровую уральскую реальность.

Шло самое начало октября. Молодой человек стоял у входа в типографию за десять минут до её открытия и привычным движением докуривал «Camel». Он неспешно выдыхал сизые клубы дыма, ничуть не заботясь о том, что едкий запах въестся в ткань его дорогого чёрного пальто. Носком ботинка он отстраненно крошил тонкую ледяную корку, схватившую за ночь утренние лужи.

Отправив один окурок в урну, Пётр заколебался: не выкурить ли ещё одну перед началом рабочего дня? Он уже зажал между губ следующую сигарету, неопределённо махнул рукой, будто давая самому себе молчаливое разрешение, и снова чиркнул зажигалкой.

Покончив со второй сигаретой, Пётр ощутил неприятную тяжесть в горле и раздражающую горечь во рту. Он сдавленно откашлялся и наконец шагнул внутрь помещения, туша окурок о металлическую урну у входа в типографию.

— Ну и накурился... Ты не пробовал перейти на что-то другое? От твоих сигарет вонь на километр, — встретила его коллега Екатерина.

— Не вонючие, а крепкие, — сдержанно парировал Пётр.

Екатерина нахмурилась:

— От того, что они крепкие, менее вонючими они не становятся.

Пётр Алексеевич лишь улыбнулся в ответ, снял пальто и прошёл к своему рабочему столу. Он ещё раз окинул взглядом коллегу. На его вкус, девушка она была весьма симпатичная. Екатерина оказалась младше Петра всего на два года — ей исполнилось двадцать пять: приятное миловидное лицо с задорными пухлыми щёчками, аккуратный курносый нос и каштановые волосы, остриженные в короткую стрижку. Всё, что располагалось ниже лица, тоже выглядело вполне притягательно: стройная фигура, точёные ноги и хоть и не выдающийся, но вполне гармоничный бюст — впрочем, Пётр никогда и не был ценителем пышных форм.

Казалось бы, отличный расклад для начала романтических отношений. Вот только Петра непреодолимо отталкивал её характер — как он считал, скверный и сварливый не по годам. Именно поэтому у него не возникало ни малейшего желания поддерживать с Катей даже формальные разговоры вроде «как дела?» или «какие планы на выходные?».

Да и будь Катя даже самой милой и покладистой девушкой, размышлял как-то про себя Пётр, между ними всё равно ничего бы не вышло. Первым препятствием, разумеется, был её

молодой человек. Вторым — полнейшее несоответствие внешней привлекательности внутреннему содержанию. Назвать Катю глупой было бы явным преувеличением, но Пётр искренне считал её человеком поверхностным, с предельно банальным набором интересов: любовь к неприхотливой попсе вроде Мии Бойко, скромный кругозор и искренняя приверженность сериалам на ТНТ. Но главным «ред флагом» для него оставалась её трогательная любовь к «Маленькому принцу» — произведению, которое сам Пётр душой не переносил.

Третьей же преградой служило то, что сам он вовсе не считал себя ровней Кате по внешним данным. Хотя привлекательные черты в нём, безусловно, имелись — по крайней мере, те, что обычно цепляют женский взгляд: внушительный рост под метр девяносто и глубокие изумрудно-зелёные глаза, в которых читалась некая породистость и врождённая интеллигентность. Но хватало и откровенных изъянов: Пётр был тощ, заметно сутулился, а его зубы успели пожелтеть от многолетнего курения и выделялись не самым правильным прикусом. Впрочем, сам молодой человек относился к этому с изрядной долей цинизма, шутя: «У меня нет комплексов — я и без них отлично знаю, что урод».

Естественно, кроме Петра и Кати, в типографии работали и другие сотрудники — точнее, сплошь сотрудницы. Большинство мужчин без колебаний окрестили бы этот женский состав «змеиным коллективом». Но Пётр не хотел ни сжиматься в углу трусливым мышонком, ни превращаться в очередную ядовитую гадюку. Он избрал путь заклинателя змей — путь настоящего джентльмена. На работе он надевал маску вежливого, благовоспитанного интеллигента и безупречно отыгрывал эту не совсем свойственную ему роль. Поязвить, ввернуть крепкое словцо и общаться без высокопарных оборотов было для него куда привычнее, однако демонстрировать это в офисных стенах казалось совершенно невыгодным.

— Знаете, Мария Николаевна, если теория о множественных вселенных верна, то я бы ни за что не хотел оказаться в той из них, где мы с вами не знакомы, — произнёс он, обращаясь к женщине, которая совмещала в типографии должности кассира, бухгалтера и администратора.

— Ох, Петя, вам бы с вашими комплиментами и словарным запасом книги по пикапу писать, — отозвалась Мария Николаевна, для которой подобные знаки внимания давно стали редкостью.

Мужчины обходили её стороной из-за избыточного веса и сомнительного пирсинга в носу, который тридцатилетняя брюнетка сделала ещё в студенческие годы. Самому Петру всегда было тяжело смотреть в её низко посаженные, крошечные глазки, но, верный своей роли «названного джентльмена», он стойко устремил взгляд прямо в них, чтобы придавать своим пассажам максимальную убедительность.

— Я обязательно напишу, — улыбнулся он. — Жаль только, что подобные комплименты работают исключительно на умных, тонких женщин с изысканным вкусом.

Пётр мельком бросил взгляд на Катю.

— Ему бы писать книгу по испанскому стыду, — тут же вставила Катя.

— По-моему, молодёжь сейчас называет это «кринжем». Отстаёте от трендов, Катенька.

— А ты от выполненных задач. Пора бы уже закончить эти свадебные приглашения.

— Всенепременно. Как только договорю с Марией Николаевной. Мария Николаевна... Понимаю, что прошу невозможного, да и до зарплаты ещё целая неделя, но не могли бы вы выдать мне небольшой аванс? Буквально тысяч двадцать.

— Сделаю всё возможное, Петь, — растаяла бухгалтер.

После этого Пётр приступил к работе. Работал он дольше всех и, соответственно, получал больше остальных, но знали об этом только они с Марией Николаевной. Петра можно было назвать настоящим универсалом: он легко брался за заказы любой сложности, хотя классическим трудоголиком не был. Молодой человек выполнял ровно столько, сколько требовалось, а к сверхурочным часам относился с полным равнодушием.

Завершив все задачи на сегодня, он совершенно спокойно листал ленту в **ВК.** За полчаса до конца рабочего дня к нему с сияющей улыбкой подошла Мария Николаевна и протянула обещанные двадцать тысяч.

— О, вы просто святой человек! Знаете, Мария Николаевна, Бог создавал Землю шесть дней, а на седьмой отдыхал исключительно для того, чтобы насладиться вашей красотой, — выдал Пётр очередной пассаж.

Женщина заметно покраснела:

— Ох, ну и льстец же вы, Пётр Алексеевич...

— Вовсе нет, просто иногда озвучиваю очевидные вещи.

Мария Николаевна ничего не ответила, лишь смущённо поправила причёску и вернулась за свой стол.

Остаток смены прошёл совершенно обыденно. Едва стрелка часов перешагнула за край рабочего времени, Пётр Алексеевич надел пальто, вышел на прохладный свежий воздух, привычным движением закурил очередную сигарету и направился в книжный клуб.

Книжный клуб назывался «Космос». Пётр состоял в группе «Меркурий» уже полгода. Концепция клуба мало чем отличалась от десятков других: встречи проходили дважды в месяц, а модератор-куратор заранее выдавал задание прочитать то или иное произведение. Участники и сам Пётр в том числе относились к встречам ответственно и исправно штудировали список. Сегодня на повестке дня была «Лолита» Набокова.

— Знаете, меня в какой-то степени всегда раздражала сама концепция книжных клубов просто потому, что приходится читать то, что тебе самому, возможно, совсем не по душе. Впрочем, нашего клуба это не касалось... Вплоть до сегодняшнего дня. Говоря прямо, книга отвратительная, — начал Пётр.

— Чем же? — задала резонный вопрос Елена, молодая блондинка в очках, выполнявшая роль куратора группы, и привычным движением поправила оправу.

— Я так полагаю, самой тематикой? — предположила Татьяна Семёновна, участница группы, уже плавно подбиравшаяся к предпенсионному возрасту.

— Тема, конечно, мерзкая, но дело даже не в моей моральной чувствительности, — возразил Пётр. — А в том, что препарировать тут особо и нечего. Любому здравомыслящему человеку и без того понятно, что педофилия — это зло.

— То есть вам не понравилась эта сюжетная однобокость? — уточнила Елена.

— Не только. Меня в целом удивляет весь этот резонанс вокруг «Лолиты». Многие твердят, насколько это великая книга, и приводят в качестве главного аргумента богатый, изысканный, высокопарный язык Набокова.

— Ну так написано действительно красиво! — подметила Лиза, первокурсница филологического факультета.

— Нет. Написано затянуто, утомительно и, если позволите, душно. Аргумент про «красивый язык» вообще кажется мне сомнительным. Для меня всё повествование Гумберта — это не более чем попытка высокообразованного извращенца оправдать собственные сексуальные девиации. Замените здесь педофилию на геронтофилию — и в сути произведения абсолютно ничего не изменится.

— Ну подождите, — вмешалась женщина лет сорока с ярким фиолетовым каре, чьё имя Пётр, несмотря на столь броскую внешность, никак не мог запомнить — то ли Виталия, то ли Виталина. — Вы говорите, что произведение однобокое... Кстати, презабавный каламбур получается: однобокий Набоков. Но ведь сам Гумберт совсем не так прост! Помимо того, что он, кхм-кхм, педофил, он ещё и искусный манипулятор и абьюзер. Разве это не важно?

— Это важно только для женщин, у которых в анамнезе имеется злой бывший, — парировал Пётр. — В этом контексте «Лолита» — действительно яркое наглядное пособие на тему «с кем не стоит вступать в отношения». Но скажите на милость: разве для полного образа

негодяя недостаточно того, что главный герой — абьюзер? Обязательно ли было делать его ещё и педофилом, а в конце и вовсе убийцей?!

— Пётр, вы ещё забываете, что Гумберт Гумберт — ненадёжный рассказчик, — вновь включилась в дискуссию Лиза.

— О, это мой любимый тейк... — иронично ухмыльнулся Пётр. — Но давайте будем откровенны: по большому счёту Гумберт — единственное связующее звено истории за неимением других, более объективных источников. И в своём исповедальном тексте он ничего особым образом не скрывает. Он прямым текстом декларирует свою страсть к нимфеткам. И где же он, по-вашему, увиливает?

— Ну... а вдруг... — попыталась было выдать аргумент Лиза.

Пётр перебил её на полуслове, даже не собираясь дослушивать:

— Проблема в том, что концепцию ненадёжного рассказчика здесь пытаются использовать как отягчающее обстоятельство. Но стоит нам лишь на секунду допустить, что он врёт или искажает факты, как тут же открывается поле для десятков его оправданий. Помните Рейко из «Норвежского леса» Мураками? Там она подаётся как однозначно положительный персонаж, хоть и рассказывает Тоору историю о том, как её якобы совратила малолетняя дрянь. А если мы вспомним финал «Лолиты»? При последней встрече Гумберт не пытался силой вернуть девушку себе — что явно не вяжется с образом непоколебимого психопата-манипулятора, — а просто оставил ей деньги. Мало того, даже само убийство Куильти можно при желании преподнести как месть за поруганную честь Лолиты. И что же у нас получается? Если верить в «ненадёжность», то Гумберт выходит чуть ли не трагическим и не самым плохим человеком.

— Вы сейчас оправдываете педофилию? — сурово уточнила Татьяна Семёновна, поджав губы.

— Нет. Я не оправдываю ни педофилию, ни уж тем более Гумберта, — спокойно ответил Пётр. — Я лишь объясняю, почему книга показалась мне посредственной, вот и всё.

— Тем не менее это признанный шедевр. И пусть герой здесь очевидно аморален, возможно, это вообще одно из первых контркультурных произведений, — мягко вмешалась куратор Елена, пытаясь вернуть разговор в конструктивное русло.

— Очень вряд ли, — покачал головой Пётр. — Эта книга может казаться аморальной — вернее, аморален её герой — только тем, кто ни разу в жизни не открывал Паланика, Буковски, Уэлша, Лимонова или Елизарова. Да и в их произведениях персонажи выходят куда сложнее и неоднозначнее. А перед нами самый обыкновенный, картонный злодейский злодей из боевиков девяностых, наряженный в кружева набоковского слога.

— Хотите сказать, что Набоков — посредственность? — возмущённо вскинулась женщина с фиолетовым каре.

— Ни в коем случае. «Камера обскура», например, мне искренне понравилась, — ответил Пётр. — Там куда более понятный, живой конфликт и отличная динамика, при том что некоторые темы вполне перекликаются с той же «Лолитой». Но вот парадокс: сам Набоков «Камеру» терпеть не мог. — Пётр иронично ухмыльнулся. — Впрочем, возможно, у него просто отсутствовал вкус... По крайней мере, на собственные книги.

— Что ж, интересное мнение, Пётр, — с едва заметной улыбкой подытожила куратор Елена. — Думаю, нам точно будет о чём поспорить и на следующей встрече через две недели.

Единственным человеком, к которому Пётр испытывал искреннюю симпатию, была сама куратор Лена. Ему импонировали её высокий профессионализм и редкое умение слушать — а чувство, когда слушали именно его, Пётр любил куда больше противоположного, когда прислушиваться приходилось ему самому. Лена же испытывала к нему взаимную симпатию, но исключительно профессионального толка: Пётр, по сути, выполнял за неё львиную долю работы на встречах, то и дело провоцируя горячие дискуссии и задавая нужный резонанс. А вот как человек или потенциальный мужчина он её абсолютно не привлекал.

После завершения обсуждения Пётр с лёгкой улыбкой протянул Лене руку и произнёс не без доли привычной интеллектуальной язвительности:

— Лена, у вас безупречный вкус. Очень надеюсь, что через две недели мы наконец уделим внимание поистине стоящему произведению.

— О, в этом можете даже не сомневаться, — отшутилась Лена. — Главное, чтобы вы сами не пропустили наше следующее собрание.

— Постараюсь не заболеть и буду молиться, чтобы никто из моих близких случайно не умер — лишь бы беспрепятственно попасть на нашу встречу. Главное, чтобы следующей книгой вдруг не оказалась «451 градус по Фаренгейту».

— Не волнуйтесь, Брэдбери я тоже не жалую, — с улыбкой успокоила его куратор.

— Приятно слышать. Но несказанно неприятно прощаться, ведь я не увижу вас добрых две недели.

— В таком случае, Пётр, для вас это будут две очень злые недели, — с лёгкой иронией подхватила она.

— Несомненно. Всего вам доброго!

— До свидания!

К девяти вечера Пётр добрался до дома. Выйдя из лифта на своём седьмом этаже, он не успел пройти и пары шагов, как заметил открывающуюся дверь соседской квартиры.

— Здравствуйте, Пётр Алексеич! — с широкой, слегка растянутой улыбкой протянул сосед. — Не изволите зайти в гости?

Молодой человек сразу же почувствовал до боли знакомый, густой запах сативы, ощутимо тянувшийся из квартиры. Судя по краснющим глазам Фёдора и его блаженной улыбке, сам он уже успел как следует дунуть.

— Хм, а я и не против, Фёдор, — отозвался Пётр, сделав шаг к его порогу.

Они прошли на прокуренную кухню. На подоконнике теснились две пустые пивные бутылки, на столе сиротливо мокла пластиковая ванночка из-под «Доширака», а в центре царствовала переполненная пепельница с кучей спрессованных окурков. Рядом пылился неизменный рабочий реквизит: сомнутый обрывок фольги и разрезанная пластиковая бутылка с прожжённым дырчатым дном. При этом остальное пространство квартиры блестело чистотой и порядком, словно весь хаос был строго локализован в пределах кухонного гарнитура.

Сам Фёдор был старше Петра всего на три года — тридцатилетний, коренастый, крепко скроенный мужчина невысокого роста, работавший инженером на Химмаше. Пётр ценил в нём редкое качество — непробиваемую невозмутимость, лёгкость в общении и полное отсутствие какой-либо агрессии. Ну и, конечно, сыграла роль широкая Федина душа: инженер по доброте душевной всегда мог угостить соседа и травкой, и пивом.

Фёдор уже успел выкурить один напас, но с его телосложением и толерантностью к траве этого было мало. Находившийся в разводе, он раз в месяц устраивал себе такие расслабляющие вечера с коноплёй, а вот пивные посиделки проходили у него каждую пятницу. В общем, матери Петра подобная дружба сына едва ли пришлась бы по вкусу.

— Ммм, кайф... — пробасил Фёдор, удерживая во рту дым, дабы ценное «добро» случайно не пропало, а затем добавил: — Ещё бы сюда девочек...

— Ага, — согласился Пётр, — каких-нибудь альтушек.

— Видел таких тяночек в каких-то рилсах: говорят, их достаточно соблазнить белым «Monster».

— Федь, никто уже не говорит «тян». Да и я в магазин за энергетиками не пойду. К тому же «Монстра» сейчас хватит разве что на быстрый минет — девочки нынче предпочитают мефедрон.

— Ужас, как же мы культурно обнищали! Они что, не в курсе, что нет ничего лучше, чем потрахушки под травкой?

— У женщин в принципе нет вкуса. Прикинь, сегодня в книжном клубе обсуждали «Лолиту», и, как оказалось, всем безумно нравится эта самая Лолита.

— Ну да, она так-то уже старая, хотя по молодости была знойная. Только не пойму, почему вы вместо книжек обсуждали певицу?

Пётр не выдержал и от души расхохотался, мгновенно давясь выдыхаемым дымом:

— Федь, я про книгу, а не про Милявскую!

— Ого, она ещё и книги пишет?

— Бля, Федь, я щас от смеха сдохну!

— Не надо, братик, жить надо. Не надо умирать, — задумчиво провёл рукой в воздухе Фёдор, расплываясь в блаженной улыбке и глядя на потолок. — Бро, ты знаешь, что люстра — это симулякр солнца, подчиняющийся воле человека? Мы можем купаться в лучах этого электрического светила, а можем при желании его отключить — и тогда наступит полная мгла.

— Вижу, тебя уже нормально накрыло... Ух, да и меня, кажется, начинает приплавлять.

— А то! Афганка же. Но вот что я тебе предлагаю: нахрен альтушек, нахрен весь этот внешний мир. Пойдём смотреть на море.

— В Екб нет моря.

— Как же ты ограничен, Петь... Ещё и книги Милявской читаешь! Я про другое море.

Они переместились в комнату. Фёдор подошёл к компьютеру и включил на мониторе расслабляющий видеоряд с видом на океанский прибой под медитативную, убаюкивающую музыку.

— Я вот про это море, — ткнул он пальцем в экран.

— Красота... — тихо проронил Пётр, уперевшись локтями в колени и подперев подбородок.

Он гипнотически вглядывался в синие волны, полностью очарованный плавными звуками музыки, которая под действием ТГК отзывалась в его сознании невероятно глубоко и объёмно.

Мужчины минут двадцать залипали в этот видеоролик, тонувший в бесконечной веренице гипнотических интерпретаций, рождавшихся в их прокуренных мозгах. В какой-то момент Пётр заметил, что Фёдора начинает откровенно клонить в сон — голова инженера периодически тяжело клевала носом, а веки слипались. Решив не мешать отдыху товарища, Пётр поднялся с кресла и слегка похлопал его по плечу.

Фёдор, пробудившись на секунду, по-братски отсыпал ему щедрую щепоть той самой «афганки». Они крепко, по-мужски пожали друг другу руки, и, преодолев буквально три метра по коридору, Пётр оказался у собственной двери.

Он вошёл в свою двухкомнатную крепость и, слегка пошатываясь, побрёл в глубину квартиры. Пока он проделывал этот, казалось бы, нескончаемый путь по тёмному коридору, в его голове мелькнула мысль: «Хорошо, что меня сейчас не видит мать... Зная её, она любой плохой день могла превратить в ужасный. Слава богу, сегодня просто нормальный денёк».

Затем, остановившись у самой кровати, он на мгновение замер. Хмель и туман постепенно начали рассеиваться, уступая место пронзительной трезвости. Пётр сам себе шёпотом напомнил: мать умерла ещё два года назад.

Тяжело, с надрывом вздохнув, он без сил грохнулся на разобранную кровать и уже через пару минут погрузился в глубокий, беспробудный сон.

Он проснулся только в одиннадцать утра следующего дня. Голова ощущалась слегка налитой свинцом, но в целом мысли уже прояснились. По привычке тянувшись рукой к тумбочке, Пётр взял смартфон, намереваясь привычным движением открыть Ютуб и запустить какой-нибудь фоновый ролик под утренний кофе.

Однако прямо рядом со знакомой красной иконкой видеохостинга он неожиданно заметил совершенно незнакомый ярлык. По всей видимости, это странное приложение он умудрился скачать вчера ночью на нетрезвую голову.

Иконка выглядела лаконично и загадочно, а снизу под ней выводилось короткое название: «Слухи».

Глава 2

Пётр прищурился, разглядывая странную иконку на экране смартфона. В голове копошились смутные подозрения, что это очередной скам, вирус или какая-нибудь навязчивая реклама, случайно подхваченная на сомнительном сайте. Тем не менее любопытство пересилило, и он тапнул по экрану.

Приложение запустилось мгновенно, без долгих экранов загрузки. На темно-фиолетовом фоне всплыло аккуратное окно с условиями использования. Текст был составлен необычно сухо и прямолинейно, без привычной многостраничной юридической тарабарщины:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Приложение «Слухи» предоставляет Пользователю доступ к аудиозаписям и текстовым расшифровкам всех разговоров, в которых упоминалось его имя (или личность) за последние 7 дней.

Данные собираются из любых источников, находившихся в зоне акустической досягаемости цифровых и нецифровых носителей.

Администрация не несёт ответственности за эмоциональное состояние Пользователя, вызванное услышанным или прочитанным.

Полученная информация предназначена исключительно для личного ознакомления.

Нажимая «Принять», вы подтверждаете готовность узнать, что о вас говорят на самом деле.

Пётр хмыкнул. Выглядело это как чья-то розыгрышная утилита или затейливая рекламная кампания очередного триллера.

Внизу экрана горела единственная фиолетовая кнопка: «Принять и продолжить».

«Вот уж действительно, страшно интересно, что обо мне думают полторы калеки», — с усмешкой подумал Пётр.

Он отложил телефон на тумбочку и пошёл в ванную. Прохладный душ оказался необычайно приятен и освежающе бодрил после ночных посиделок у Фёдора. Струи воды стекали по его худому, костлявому телу, и он на мгновение закинул голову назад, подставляя лицо под тугие прохладные капли. Липкая тяжесть вчерашнего дня и едкий остаточный запах дыма постепенно смывались, уступая место бодрости.

Выйдя из ванной, Пётр оделся, сунул фен в розетку и за пару минут высушил волосы. Направившись к столу, он снова взял телефон, лишь иронично хмыкнув при виде странной фиолетовой иконки. В этот момент его взгляд зацепился за прозрачный зиплок с зелёным содержимым, оставленный на тумбочке. Пётр понимающе улыбнулся: суббота обещала быть максимально расслабленной и неторопливой.

Захватив ключи и закурив прямо на ходу у подъезда, он отправился в ближайший гастроном. Помимо стандартного набора холостяка — яиц, макарон, сыра, колбасы, свежего хлеба и чая — Пётр набрал целую корзину всяких сладостей, прекрасно зная, насколько непреодолимо тянет на сладкое после хорошей «афганки».

Вернувшись домой, он не спеша разобрал пакеты, соорудил свежий водный и сделал один уверенный напас. Выходной день официально начался на самой позитивной ноте.

Выкурив два напаса, иррациональная или, напротив, чересчур тревожная часть его мозга начала постепенно сдавать позиции. Теперь он смотрел на экран с широкой, слегка глуповатой улыбкой. Палец уверенно ткнул в кнопку «Принять».

Тут же выскочила очередная плашка:

«Вы действительно готовы узнать, о чём за вашей спиной говорят родные, друзья и коллеги?»

Пётр, не задумываясь, нажал «Да».

Экран на мгновение замер, а затем явил миру новое уведомление:

«Вам бесплатно доступна текстовая расшифровка всех разговоров. Для прослушивания оригинальных голосовых записей вы можете оформить Премиум-подписку всего за 1200 рублей в месяц!»

«Ещё чего», — фыркнул Пётр вслух, хмыкнув от такой наглой монетизации, и нажал «Отказаться».

Приложение на секунду задумалось, а затем перед ним открылся простой, лаконичный список, отсортированный по датам и времени за всю прошедшую неделю...

Пётр наобум ткнул в первую попавшуюся строчку в списке. Разговор был оформлен в виде привычного мессенджера, хотя система чётко указывала, что это расшифровка диалога, происходившего в реальной жизни:

Локация: Кафе «Лето» **Участники:** Екатерина Васильева и Анна Бирюкова **Время:** Четверг, 22:10

Е: Ты слышала, чо Петя сегодня сказал Николаевне?

А: Чо?

Е: Ну опять какую-то заумную херню. Типа: «Если теория про какие-то там вселенные верна, то я бы не хотел оказаться в той, где мы с вами не знакомы». Или что-то типа такого.

А: Ха-ха-ха! Думаешь, он её хочет?

Е: Бля, Ань, тебе сколько лет?

А: 21, а чо?

Е: Да ничо. Всё, что он хочет от неё, это деньги. Естественно, за ними он и приходил.

А: За авансом? Ну и не пофиг ли, Кать?

Е: Да по большому счёту, конечно, пофиг. Просто не нравится он мне.

А: Мне он тоже не нравится. Вот этот постоянный запах его вонючего «Camel», его скрипучий голос... А зубы вообще кринж какой-то, будто год не чистил!

Е: Ага, а ещё постоянно сутулится, и чо попало на голове.

А: Да ему просто никто не даёт, вот он и не особо следит за собой. Потому, наверно, и подкатывает яйца к Николаевне.

Е: Бля, да не нравится ему Николаевна! Он просто пытался выбить как можно лучшие условия для себя.

А: Слушай, Кать, а он вообще по жизни чем дышит? Кроме своего курева и этих тупых подколов. Ты ж с ним дольше работаешь.

Е: Да ничем особым. По-моему, у него вообще никого нет. Ни бабы, ни друзей нормальных. Живёт один, как бобыль, в своей конуре, только и делает, что книжки умные жрёт, чтобы потом перед Николаевной выпендриваться.

А: Ппц тоска. У нас в универе тоже такой один был — ходить не умеет, чтоб не задрать нос, а по факту штаны в катышках и изо рта пахнет, будто кто-то умер.

Е: Во-во. Только Петя ещё и считает, что он тут самый умный. Видели бы его заказчики, когда он свадебные метрики верстает. Сидит с таким видом, будто «Войну и мир» переписывает. А сам за каждую копейку готов Николаевне ноги целовать.

А: А аванс-то на что просил, не знаешь?

Е: Да на пропой, наверное, или очередное барахло из букиниста. У него ж весь вид такой... недооценённый гений из подворотни. Всё ждёт, что его кто-то заметит и оценит его великий потенциал. Только кому он нахер нужен с таким характером?

А: Реально. От таких мужиков потом одна головная боль будет — сидеть на диване, дуть губы и рассказывать, какая жизнь несправедливая, пока ты на двух работах вкалываешь.

Пётр отложил телефон и нахмурил брови, ощущая, как утренняя расслабленность мгновенно сменяется липким чувством тревоги. Что это, чёртов бред? Реальность или изощрённые причуды восприятия от ядрёной афганской травы?

В голове не укладывалось: каким образом какое-то вшивое приложение смогло в мельчайших деталях воспроизвести его вчерашний “флирт” с Марией Николаевной? Дословные фразы, точные интонации, откровенный девичий трёп в каком-то кафе «Лето»...

Разумеется, Пётр и раньше замечал за современной техникой разные параноидальные странности. Стоило ему на досуге вполголоса напеть «Aerials» или просто мельком упомянуть в разговоре какую-нибудь вещь, как алгоритмы того же Спотифая или контекстной рекламы тут же заботливо подсовывали именно этот трек или товар. Но одно дело — таргетированные алгоритмы продаж, и совсем другое — переписка двух его коллег, ковыряющих на досуге его внешность. Это выглядело как совершенно новый, пугающий уровень тотальной слежки.

После прочтения даже этой небольшой части разговора Пётр впервые за долгое время ощутил, как к горлу подступает самая настоящая паническая атака, плавно перерастающая в бэдтрип. Дыхание мгновенно сбилось, став частым и неровным, по коже судорожной волной побежали мурашки.

Он попытался рвануть в ванную комнату, но ноги стали ватными и послушались с трудом. Заскочив внутрь, Пётр судорожно открутил кран на полную мощность и стал пригоршнями лить воду на лицо. Однако ожидаемого спасительного эффекта не последовало — прохладная струя в его искажённом восприятии ощущалась почти кипятком. Внезапно желудок скрутило подступающим приступом рвоты, и Петра подмяло прямо над раковиной.

Мучительные позывы продолжались около десяти минут. Выжатый до предела, он буквально выполз из ванной на корточках, кое-как нащупал опору и, шатаясь из стороны в сторону, вернулся на кухню. Голова нещадно кружилась. Пётр дрожащими руками схватил коробку вишнёвого сока и жадно припал к ней: тёмно-красные капли мимо губ падали прямо на его футболку, оставляя липкие пятна.

Физически после рвоты стало чуть легче, но дикая, иррациональная тревога и не думала отступать. Не удержавшись на ногах, он ничком рухнул на холодный линолеум прямо посередине кухни, сжался в калачик, крепко обняв себя за плечи, и изо всех сил попытался думать о чём-то хорошем.

Но любые светлые и позитивные мысли под действием ТГК тут же искажались, превращаясь во что-то липкое и пугающее. Перед глазами всплывали не классические монстры, а тревожные, абсурдные образы, до боли напоминавшие жутких сюрреалистичных персонажей из старого мультфильма «Его жена курица».

Так он и пролежал на кухонном полу добрых двадцать минут, периодически вздрагивая всем телом и тихо, на грани слышимости, шепча в темноту единственное слово: «мама». Лишь спустя полчаса липкий туман в голове начал понемногу рассеиваться, пульс стал выравниваться, а изматывающая тревожность — шаг за шагом отступать.

В голове ещё оставалась легкая тяжесть, но разум окончательно вернулся к своему привычному, холодному и трезвому состоянию. Пётр снова взял телефон и перечитал тот самый отрывок разговора. Буквы не расплывались, фразы остались прежними — жесткая, сухо зафиксированная реальность, а не бред под воздействием афганской травы.

Убедившись, что ему не показалось, он попытался найти происходящему хоть какое-то логическое объяснение. Первым делом Пётр зашёл в Google Play — однако поисковая выдача маркетплейса выдавала лишь стандартный мусор: игры, мелкие утилиты и соцсети. Никаких «Слухов» там и в помине не было. Тогда он вбил запрос «приложение Слухи» прямо в браузер, надеясь найти хотя бы обсуждения на форумах или упоминания на профильных сайтах, но и поисковик выдал абсолютно нулевой результат.

Мозг упорно отказывался принимать мистику. Если приложения нет ни в одном официальном или стороннем каталоге, то каким, чёрт возьми, образом этот фиолетовый ярлык оказался у него на рабочем столе?

Прочитав последние строчки, Пётр судорожно вздохнул. Обсуждение его персоны на этом исчерпалось — девушки переключились на какие-то свои бытовые темы, но сказанного уже было более чем достаточно.

Эго, конечно, оказалось жестоко задето. Пусть сам он никогда не строил иллюзий на свой счёт и иронично называл себя уродом, читать настолько ядовитые, высокомерные и мелочные гадости в свой адрес было откровенно паршиво. Внутри закипала тихая, едкая злость.

Вопросы о том, каким образом это чертово приложение вообще появилось у него в телефоне и чьи серверы за ним стоят, мгновенно испарились, уступив место куда более практичной и темной мысли: как теперь этим воспользоваться?

Пётр вышел в главное меню приложения. Перед ним снова открылся список записанных разговоров за прошедшую неделю.

Следующей записью, привлекшей внимание Петра, зафиксировалась уже не устная речь, а дословная переписка в Телеграме между куратором Еленой и той самой юной филологиней Лизой. Сообщения отправлялись в 20:45 — ровно через полчаса после того, как заседание группы «Меркурий» подошло к концу, а сам Пётр отправился в сторону дома.

Участники: Елена (куратор) и Елизавета **Время:** Пятница, 20:45

Лиза: Добрый вечер, Лена! Скажите, есть ли возможность исключить одного из членов нашей группы? Конкретно я про Петра.

Лена: Здравствуйте ещё раз, Елизавета. Я думаю, вы сами прекрасно знаете правила нашего клуба. Мы можем исключить участника только в том случае, если он пропускает три посещения подряд.

Лиза: Я это прекрасно понимаю. Но разве помимо этого правила нет иных причин для исключения?

Лена: Что конкретно вы имеете в виду?

Лиза: Вам не кажется, что Пётр чересчур резок в своих высказываниях и создаёт порой весьма недружелюбную атмосферу внутри клуба?

Лена: Что ж, Лиза... Пётр, конечно, весьма своеобразно формулирует свои мысли, не без доли язвительности, но смею предположить, что к участникам нашего клуба он настроен отнюдь не враждебно.

Лиза: Мне порой очень не нравятся его доводы и аргументы.

Лена: С этим я никак не могу вам помочь.

Лиза: Поймите меня правильно: из-за этого мужлана и токсика у меня порой вообще пропадает желание посещать собрания.

Лена: А вот сейчас вы слишком резки в своих высказываниях, Лиза.

Лена: Знаете что, давайте лучше более обстоятельно поговорим о сложившейся ситуации по телефону.

Лиза: Хорошо, я вам позвоню. Вам будет удобно поговорить минут через 15?

Лена: Да.

На этом месте фрагмент переписки обрывался. По центру экрана всплыло уже знакомое фиолетовое окно:

«Для получения полной аудиозаписи и расшифровки телефонного разговора требуется Премиум-подписка (1200 рублей/месяц). Желаете оформить?»

Из оцепенения Петра вывел надрывный, знакомый с детства гул старожила-холодильника «Бирюса». Молодой человек отложил телефон, поднялся с кухонного пола и достал из дверцы коробку вишнёвого сока. Сделав пять жадных, крупных глотков, он только сейчас обратил внимание на липкое тёмное пятно на груди, оставшееся со времён утреннего бэдтрипа. Футболку явно следовало сменить, а ещё лучше — безжалостно отправить в мусорное ведро.

Пётр прошёл в комнату, натянул свежую чёрную футболку с принтом Курта Кобейна и иронично усмехнулся про себя, проведя беглую параллель: сам он сегодня едва не отправился на тот свет аккурат в свои двадцать семь. Впрочем, мысли быстро вернулись к приложению и предложению оформить ту самую подписку.

«Ну и что я узнаю принципиально нового, если послушаю этот разговор? — рассуждал он. — Если Лена не хочет меня выгонять, то наверняка так и скажет Лизе, тем более она сама уже написала об этом прямо. Ну а если у неё и есть мысль от меня избавиться, и я буду к этому готов к следующей встрече — чем мне поможет это знание? Что я им скажу? "Не исключайте меня, пожалуйста, я обещаю быть белым и пушистым"? Да и много ли я потеряю, если меня всё же исключат? Ерунда. По крайней мере, та информация, которую я уже выудил, никак не способна мне навредить. То, что обо мне думают Катя с Аней, не имеет значения: я работаю дольше этих сучек и объективно куда ценнее как специалист. А Лиза вообще ходит в "Космос" от силы два месяца и никакой угрозы не представляет. Так что я получил принципиально нового? Ничего. Просто злобные сплетни».

Время неумолимо приближалось к полуночи. Пётр уже застелил кровать и расправил прохладную простыню. Воскресенье в их типографии всегда выдавалось скомканным и тяжёлым — поток заказчиков перед началом рабочей недели традиционно зашкаливал, а ему завтра предстояло выходить в смену. Его искренне бесил этот изощрённо неудобный график с плавающими выходными в субботу и вторник. Впрочем, деваться было некуда — особенно когда на тебе держится весь основной массив сложных заказов и ты объективно считаешься самым ценным сотрудником.

Он укрылся одеялом и по привычке зашёл в Телеграм — проверить, не появилось ли свежих сообщений. Входящие молчали. Тогда Пётр от нечего делать принялся пролистывать архивы старых переписок. Была у него эта странная нарциссическая привычка: находить в групповых чатах или диалогах собственные удачные шутки, перечитывать свои язвительные реплики, изящный тонкий троллинг и тихо упиваться собственным остроумием.

Спустя полчаса бесцельного скроллинга его палец замер на личке с некой Тори Микадзе. Никнейм, разумеется, был вымышленным. Всё, что Пётр успел узнать о ней за время редких набегов в чаты: ей девятнадцать, она нигде не учится и не работает, а в Екатеринбурге обосновалась года два назад. В семнадцать лет девушка буквально сбежала из Казахстана от родителей, которые, по её словам, подвергали её постоянному эмоциональному и физическому насилию. В Уральской столице она быстро нашла пристанище — переехала к молодому человеку и теперь полностью находилась на его финансовом попечении.

Познакомились они в каком-то общегородском флуд-чате, откуда Тори вскоре благополучно забанили за откровенно кринжовую манеру общения. Львиная доля её сообщений вращалась вокруг темы секса: она без малейшего стеснения описывала подробности своей постельной жизни с парнем, перечисляла бывших партнёров и делилась изощрёнными фантазиями о том, что ещё мечтает попробовать. Первое время локальное сообщество воспринимало это как забавный эпатаж, но постепенно гиперактивная девица со своими откровениями начала банально всех раздражать, и админы безжалостно отправили её в бан.

У Петра же завязалась с Тори неторопливая личная переписка. За всё время она скидывала пару своих снимков и признавалась, что по национальности казашка — впрочем, экзотическая внешность говорила сама за себя. Девушкой она оказалась невероятно миловидной, даже контрастно-красивой на фоне той вульгарщины, которую транслировала на публике. Аккуратное, почти кукольное лицо с наивным невинным взглядом, русые волосы средней длины, миниатюрный хрупкий рост и при этом неожиданно пышный, выразительный бюст. Сама Тори со свойственной ей прямотой шутила, что выглядит аккурат как персонаж из японского хентая.

Пётр в своё время тоже отправлял ей парочку своих селфи. Его тогда искренне изумил её спонтанный ответ: «Да у тебя так-то топовая, пиздатая внешка! Тебе бы плечи качнуть немного и будешь вообще секси».

Естественно, ни в какой спортзал Пётр идти не собирался. Он с детства питал глубокое отвращение к любым физическим нагрузкам, а идея истязать себя железом ради чьего-то там женского одобрения казалась ему верхом глупости. И всё же сейчас, в тишине тёмной комнаты, он почему-то застыл на экране их диалога. Переписка оборвалась почти два месяца назад, но именно сегодня её давние слова о его «топовой внешности» прозвучали в его голове странным, приятным контрастом после яда Кати и Ани.

Пётр решил на всякий случай проверить в приложении, не обсуждала ли его где-то ещё Тори с третьими лицами, но поиск по её имени никаких результатов не дал. В архиве выводились разве что старые упоминания его ника в их прежней групповой беседе, но никакой тайной подноготной или заговоров за спиной он нешёл.

Слегка успокоившись, Пётр подключил телефон к зарядке, отложил его на тумбочку и, повернувшись к стене, наконец закрыл глаза.

Глава 3

Пётр вышел из дома в девять утра. На улице дул привычный октябрьский ветер, нагловато забираясь под воротник. Пётр поежился, пряча нос в тонкий шарф. Шапки он не любил, поэтому натянул капюшон толстовки, торчавший из-под пальто. Выйдя из подъезда, он привычно закурил и заметил во дворе Федю за рулём «Камри».

— О, здорово, сосед! Подбросить до работы? — улыбнулся Федя.

— Да, не отказался бы.

Пётр обогнул машину и сел на переднее пассажирское сиденье.

— А ты чего с утра в воскресенье за рулём? — задал логичный вопрос Пётр.

— Да надо антифриз взять. Решил с утра быстренько всё разгрести, чтобы вечером мозги себе не ебать.

— Понял.

На пару минут в салоне воцарилась тишина. Ехать до типографии было недалеко, минут десять-двенадцать.

— Слушай, Федь... Ты же начальник цеха. Вот ты когда-нибудь представлял, что о тебе говорят подчинённые?

— Ну, наверняка мудаком называют, когда отчитываю. У нас же мужики, сам знаешь: если кто-то чем-то недоволен, в глаза скажут.

— Это да. Мужики не бабы, интриги плести не будут.

— А против тебя что, плетут?

— Да нет, по крайней мере, не слышал. Да и вряд ли: никто не захочет оказаться на моём месте, я слишком много на себе тащу.

— А про то, что ты получаешь больше остальных, они знают?

— Ну так я и работаю больше. Точно никто не знает, но догадываются. Может, именно эта неизвестность их и триггерит.

— Ну да, возможно.

До конца маршрута оставалось минуты три. Помолчав немного, Пётр снова заговорил:

— Слушай, Федь... А ты сам обо мне что думаешь?

— Да ничего... Нормальный мужик, умный вроде, компанейский. Плохого ничего в мыслях не было. Да и, прости конечно, я о тебе не то чтобы часто думаю... Точнее, вообще не думаю, ха-ха!

— Понял, спасибо. А если бы у тебя была возможность узнать, что о тебе думают другие, не возникло бы соблазна выяснить всё до точек?

— Хм... Да не. Зачем? Я и так примерно представляю, что обо мне думают мужики с завода. А уж про бывшую и вовсе молчу — точно знаю, какие сказки она травит своему нынешнему ёбырю и подружкам: мол, алкаш, наркоман, нищеброд. Ничего нового о себе я бы там не услышал. Вот было бы прикольнее узнать, если кто-то думает о тебе хорошо, и потом этим воспользоваться. Как в том фильме с Гибсоном — «О чём думают женщины».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.